

18+

Евгений Полонский

ЗА ПОВОРОТОМ КЛЯЗЬМЫ

Евгений Полонский

За поворотом Клязьмы

«Издательские решения»

Полонский Е.

За поворотом Клязьмы / Е. Полонский — «Издательские решения»,

Платежи, работа, мертвая пустота внутри. Вволю отведав коричневых яств взрослой жизни, Паша решает хотя бы ненадолго сменить рацион. Он отправляется в сплав по Клязьме, ища в речной воде свободы и покоя. Но за поворотом реки его ждут события и испытания, которые едва ли мог предугадать человек. Хорош ли поросенок-наставник? На что пойдет человек за идеалы? Как далеко простирает власть любовь? Ответы на эти вопросы даст книга великого, но никому не известного русского писателя Евгения Полонского. Книга содержит нецензурную брань.

© Полонский Е.

© Издательские решения

Содержание

1. Работа	6
2. Дом	9
3. Работа	12
4. Дом	15
5. Минувшее — Назарьево	18
6. Клязьма	27
7. А вдали мелькали огоньки	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

За поворотом Клязьмы

Евгений Полонский

© Евгений Полонский, 2026

ISBN 978-5-0070-6784-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Работа

Кал, проказа, бензиновая лужа. Если бы Пашу попросили назвать три вещи, с которыми у него ассоциируется магия сегодняшнего утра, то он бы начал именно с них. Вероятно, Паша ценил бы и эти чарующие сущности, коли знал, что через несколько дней судьба ласково дарует ему лишь схватку за выживание с весьма смутными шансами на успех. Но, увы, Паша не имел таланта в экстрасенсорике. А пока этот манящий понедельник начинался с помощи ближнему:

— Да прекрати говорить о смерти. Обожди чуть-чуть, пока ты не у врат преисподней — это всего лишь кабинет руководителя отдела, — нежно утешил Паша свою коллегу.

— Но это фактически равносильно! Проект очень важен для компании, а я так накосячила, — парировала ему расстроенная девушка, едва не плача.

— Да абсолютно неважно: об этом проекте не то что завтра не вспомнят — на него всем решительно похуй еще вчера, — мастерски и бесцеремонно обесценил Паша сокровенные переживания.

Коллега Настя обычно была склонна немедленно пресекать столь возмутительные выпады в адрес эмоционального интеллекта, внутреннего ребенка и прочих ранимых ментальных сущностей. Но в этот раз она была благосклонна к Паше и приняла утешение. Она собралась с силами, отворила дверь и решительно вошла в кабинет, чтобы скрыться в вотчине заботливого отца команды профессионалов.

«Да, многообещающее начало дня», — вдохновенно подумал Паша. Мотивируемый бодрящим корпоративным духом и предательской зависимостью организма от покупки пищи, он вернулся к собственным рабочим вопросам.

Из кабинета руководителя доносились звуки живительной экзекуции: «Всегда надо работать на результат, понимаешь? Только от нас зависит успех всей команды! Игорь Валерьевич доверил нам важное дело, мы не можем его подвести». С упоминанием имени директора компании, накал мотивации возрастал вдвое внутри кабинета и на 50% за его пределами. По крайней мере, так считалось в руководящих кругах. Иной причины для апелляции к таким выдающимся авторитетам, как Игорь Валерьевич, Паша не видел. «Дааа, где это видано, чтобы можно было подвести человека, который удачно женился. Упаси Ра! Таким только бескрайнее уважение и хлеб-соль с поздравлениями при каждом выходе из клозета», — резюмировал для себя Паша, увлеченно расписывая стандартизацию очередного процесса.

Паша взглянул в окно. Там, в живом мире, зеленели деревья и пели птицы, абсолютно безучастные к увлекательным офисным перипетиям. Он поймал себя на мысли, что они пели так миллион лет назад и будут петь еще через миллион лет. Тогда, когда ни одна частица в этой Вселенной не сохранит ни опен-спейс, где Паша творит свои очень важные офисные дела, ни самого Пашу, когда-то ходившего по этой земле. Хтоническое отчаяние, верный спутник жизни в 30+, вдруг дружелюбно пронзило Пашу своим жилистым приветом.

— Собирайся, нужно в тот вуз сегодня поехать. Расскажешь им по своей маркетинговой части, а то я в этом не разбираюсь, — прервал жизнеутверждающие Пашины рассуждения менеджер проектов.

— Так не было же ничего такого в планах, — неуверенно сказал Паша, памятуя о количестве задач.

— Это не имеет значения. Игорь Валерьевич передавал, что кейс важный, государственная организация, мы можем построить с ними долгосрочное сотрудничество по многим направлениям. Сейчас обсуждаем сайт, аппку и лить рекламу на них. Вот про рекламные активности им и доложишь, погнались! Джунгли зовут!

Паша уже собирался начать сборы, но следующая реплика дала ему еще немного времени и разочарования в собственном биологическом виде.

— Не торопись, нам еще надо распечатать сайт.

— Что? — переспросил Паша.

— Распечатать сайт.

— Да нет, я услышал словосочетание. Мой вопрос скорее в том, что именно под ним подразумевается?

— Под подразумевается распечатка сайта, — невозмутимо отвечал менеджер проектов Костя. — Понимаешь, у них там все решает ректор, и он будет на встрече. А он человек уже пожилой, с компьютерами этими бесовскими не ладит. Они говорили, что пытались приучить его к компьютеру, но у него не получается, и он начинает злиться. Может даже мышь швырнуть. Короче, ректору нужно, чтобы все было на бумаге: примерный вид всех страниц сайта, аппки, UX-механики... А он это все уже изучит. Так что не торопись, там много печатать. Сейчас я этим займусь. Но будь готов!

— Всегда готов, — изрек Паша в ответ.

Ему представилась апокалиптическая картина, как они с Костей заходят в храм высших знаний с кипой сайта. Не вдали коучи — велика сила визуализации! Через час они вышли из машины и взяли курс на мощную колоннаду входной группы. Летний ветерок игриво норовил разметать сайт и приложение по академическим просторам.

Внутри Пашу и Костю встретила уполномоченная делегация из числа преподавательского состава: несколько женщин и мужчина средних лет в клетчатой поношенной рубаше и засаленном пиджаке.

— Ой, здравствуйте! Это вы к нам? — спросили леди.

— Добрый день! Мы-мы, — отвечал Костя. — А вы, вероятно, Степан Андреевич? — обратился он к мужчине.

— Нет, — одарил презрительным взглядом и репликой мужчина. — Молодой человек, Степана Андреевича надо знать в лицо.

Все переговорщики прошли в специально отведенную аудиторию. Казенная мебель, множество растений, деревянная обивка стен, портреты Вавилова и Лысенко, заботливо разделенные повешенным между ними Мичуриным.

— Ну, джунгли зовут? — попытался пошутить Костя, указывая на растительность.

— Вы принесли сайт? — сурово вопрошал в ответ неизвестный мужчина.

— Да.

— Покажите.

Костя начал лихорадочно копаться в груди бумаг, ища прототип главной страницы. Когда он достал его, в комнате воцарилось разочарованное молчание.

— Это же просто схема, а не сайт. Степану Андреевичу это не понравится, — мрачно констатировал мужчина.

— Коллеги, — начал Костя ультимативно дружелюбным тоном, — это прототип одного из шаблонов сайта. Сам сайт мы, разумеется, еще не делали — как раз о разработке сайта мы и пришли договариваться, разве нет?

Женщины, потупившись, молчали. Неизвестный мужчина тоже, не снимая с лица суровой решимости провести переговоры максимально эффективно. Молчали на стене Мичурин с Вавиловым, и лишь Лысенко с подозрением поглядывал на визитеров.

— А, собственно, Степан Андреевич к нам присоединится? — спросил Костя, разряжая тишину.

— Нет, — отчеканил мужчина. — Сегодня у него напряженный график. Но все материалы по сайту и приложению будут у него на столе.

— А почему на вашем сайте все прямоугольное? Степан Андреевич любит круглое, — внезапно сказала одна из женщин.

— Да-да-да, круглое, — одобрительно заговорили хором остальные.

Паша понял, что ситуация выходит из-под контроля. «Они слишком долго смотрели в бездну высшего образования, — подумал Паша. — Если так будет продолжаться, она устремит свой взор и в нас. Нужно попытаться повернуть диалог в нужное русло».

— Коллеги, — заговорил Паша, — мы все уважаем мнение Степана Андреевича и, признаться, я сам, как специалист по UX, предпочитаю круглое. Но исследования и объективная статистика говорят, что пользователи лучше воспринимают прямоугольные элементы в интерфейсах. Мы же ориентируемся на большинство, верно? Я понимаю, что это может быть довольно сложно в положении Степана Андреевича, но от него требуется лишь открыть компьютер и в любой поисковой системе вбить «круглое в интернете». Впрочем, это частность. Я предлагаю сначала ознакомиться с фундаментальными моментами, связанными с предполагаемым сайтом и приложением.

Компания выказала молчаливое согласие, а Паша продолжил:

— Общая концепция разработки такова...

— А кто будет разрабатывать? — неожиданно спросила другая женщина.

— Разумеется, наше агентство. У нас огромный опыт в разработке сайтов и приложений, — выдал предельно корпоративную реплику Паша, слегка растерявшись.

— Так не пойдет, — твердо сказала женщина. — Нужно еще привлечь наших мальчиков. Вся компания вновь одобрительно закивала.

— Иначе Степан Андреевич просто не согласится, — продолжала женщина, — он очень ценит наших мальчиков.

— Ваших мальчиков? — спросил Паша уже по-настоящему растерянно.

— Ну да, они делали «Золотую осень». Степан Андреевич был очень доволен, — резюмировала собеседница.

После встречи Паша вышел на улицу, исполненный странным давящим чувством. С одной стороны, пора бы уже привыкнуть к этим теплым коричневым течениям взрослой жизни, но у него все никак не получалось. Что-то внутри усердно противилось водам со странной консистенцией. С другой стороны, его одолевало любопытство. Ведь он так и не узнал, что такое «Золотая осень», а спросить постеснялся — вдруг такое стыдно не знать.

Он стоял с пачкой бумаг на залитой солнцем улице, посреди огромного мира, а вокруг без устали пели птицы. Так же, как миллион лет назад.

2. Дом

Все проходит, и очередной рабочий день тоже подошел к концу. Как и положено элитарному айтишнику, Паша ехал часть пути домой на автобусе. «Совсем обнаглели, по морде вас надо!» — ласково молвила кому-то старушка, дремал заплывший мужичок, смотрели видео о бизнесе ребята в спецовках, что-то бурно обсуждали безусые юноши — жизнь шла своим мертвенно-размеренным чередом.

В мрачном бессилии Паша ввалился в квартиру. Душа настойчиво требовала чего-то крепкого, но он знал, что бесчувственная биология, увы, не жалуется постоянного удовлетворения этого требования.

— Привет, милый, — встретила его Света. — Что, как день?

— Прошел от утра до вечера. Как всегда, с кайфом, — соврал Паша.

— Ну и отлично, — ответила Света. — Там у нас, кстати, опять что-то капает под раковиной, посмотришь?

— Слушай, вызвала бы сантехника, ты же сегодня весь день была дома, — без энтузиазма ответил он.

— Хорошо, давай завтра подумаем, — быстро согласилась Света, попутно дав понять, что проблему придется решать Паше, но позже.

Вибрация Пашиного телефона отвела внимание от тонизирующей бытовухи. То сетовали соседи в подъездном чате: «соседи огромная просьба кто выкидывает памперсы заварачивайте их в пакет, ужасный запах идет с мусоропровода. Все добро стекает в низ, уже не в первый раз жалуются дворники и это взрослые памперсы».

Сообщение раззадорило не только аппетит, но и Пашины нейроны. Им предстало все величие ситуации: «Четыре миллиарда лет назад углеродные судьбы сошлись так, что из бесчисленного миллиона случайностей появилась первая клетка — общий предок всех живых существ. Спустя ещё сотни миллионов лет и квадриллионы случайных мутаций появились многоклеточные организмы. Они выползли на сушу, были свидетелями становления Пангеи, проходили через бутылочные горлышки чудовищных катаклизмов, чтобы ещё через миллиарды лет и мутаций превратиться в предка человека. И всего полмиллиона лет назад, пройдя через все бесчисленные перипетии климата и катастрофы, погибая от болезней и стихии, этот предок научился добывать огонь. Этим он освободил ресурсы организма для мозговой деятельности. Благодаря этому человек смог изобрести язык, письменность, математику, а потом и укротить электричество, открыть полупроводники, создать интеллект из бесконечных эксабайт знания, простреть свои взоры в самый край Вселенной и ворваться своим разумом аж в основы мироздания. Для чего все это? Ах, да — чтобы с чудовищными ошибками написать про выкинутое говно».

Паша достал из холодильника готовую еду, разогрел ее и пара начала трапезничать под просмотр Ютуба. «Какое насыщенное бытие, — подумал он. — Изо дня в день, из недели в неделю, из года в год. Праздник, который всегда, блядь, с тобой. Потом, наверно, трахаться пойдем. Ну а через пару месяцев в отпуск поедem. Будет что вспомнить перед смертью».

Ах, если на Пашу смотрел сейчас столь любимый физикой сторонний наблюдатель, то последний наверняка возмутился бы. У Паши было все для комфортной жизни: крыша над головой, красивая женщина рядом, относительный достаток. И формально все было так, если бы не эта череда пустых вёсен, верным спутником коих было лишь разочарование. Он высоко ценил каждый драгоценный день и жаждал, чтобы он был не зря. Он искал в каждом дне радость или муку, но натывался лишь на безразличную аморфную пустоту. Суету вокруг очередной бумажки, задачи, отправления, письма, квитанции, покупки очередной безделушки в дом. И в какой-то момент эти зловещие сущности, громко именуемые «делами», уничтожают

почти все жизненное время. «Для того ли Спартак в последний раз седлал своего коня при Силаре? Неужто ради бесконечного вороха никчемных действий мы и живем? — спрашивал сам у себя Паша. — Чтобы сделать эти чертовы дела и помереть? Но ведь ты не всегда был таким. Ты был страстен в своем сердце, а душа была жива в тебе. Ты страдал так, как должно страдать Человеку; ты ликовал так, будто это последняя твоя отрада. В конце концов, ты по-настоящему любил».

Верный Пашиным предсказаниям, ужин плавно перерос в обыденный секс.

— Паааш, проверь свой загранник, мы же собирались в отпуск съездить на море, помнишь? — сказала Света после протокольного соития.

Паша не вполне понимал эпические радости лежания на пляже, но подчинился. Он начал рыться в ящике с документами в поисках заветного паспорта, как вдруг из ящика выпала маленькая черная книжечка.

Его сердце почему-то тревожно замерло, чтобы через секунду забиться быстрее. Волнение бывшего окутало измученную душу светлой тоской. Паша с трепетом открыл книжку. Со страницы студенческого билета на Пашу пристально всматривался он сам из далекого 2008-го года.

Разумеется, Паша сразу узнал себя. Даже многие животные вполне осознают, что им показывают изображения с ними самими. Да и, наконец, если твой id имеет положительные значения, было бы странно предположить в первую очередь, что в твоём шкафу завалялся чужой студенческий билет. Ну что-то незаметное смутило его. А может просто свет прошлого наполнил его неясным сомнением, и он несколько растерялся. Возможно, потертые края студака смутно, едва различимо напомнили ему что-то из жизни столь далекой, безвозвратно растаявшей во тьме времен.

— Ну что там?! До какого года? Хватит еще? — пресекла зарождавшийся эмоциональный поток Света.

— Сейчас, ищу, — буркнул в ответ Паша, не переставая по-идиотски мечтательно вглядываться в студак.

— Давай, еще показания счетчиков надо отправить и решить что-нибудь по поводу чайника.

«Да что там решать...» — отрешенно подумал Паша.

В этот вечер он ложился спать с привычной тоской и мрачным предвкушением нового дня. Преданный пушкинским заветам, разум неустанно напоминал о грядущем труде и горе.

— Неизбежность, да-с, — заботливо добавлял он, прогоняя сон.

— Что неизбежность? — вопрошал Паша.

— Ты сам знаешь. Подумай на сон грядущий, — ехидно отвечал разум.

Паша долго ворочался, но Морфей не торопился выписать путевку в свой странный мир. Рядом мерно дышала Света, на кухне периодически жалобно завывал свою ночную песнь холодильник, ритмично мелькал пожарный датчик, кто-то из соседей беспардонно мылся, издевательски испытывая могучую звукоизоляцию московских новостроек. И короткая летняя ночь уже начинала отступать, но лишь птицы, живые существа, не осмеливались внести свою певучую лепту в мрачное железобетонное царство жилых комплексов.

— Дааа, хорошая теплая ночь. Жаль, что отсюда не видно звезд. Сейчас бы провести ночь где-нибудь за городом, — промелькнуло в голове у Паши.

— Ага, гори, звезда моя, не падай, — саркастически промолвил чей-то знакомый голос.

Паша не успел даже толком напрячься, как источник голоса стал ему понятен: студак запрыгнул на кровать — с ним говорил Паша образца 2008-го. Паша текущий мгновенно осознал, что его смутило. Из студака на него не смотрел не он. Не усталый, заостривший, циничный человек. Паша 2008-го смотрел на него живыми неуверенными глазами. Они были исполнены надежды и мечты.

— И ты в это превратился? — разочарованно сказал Паша 2008-го. — Зачем? Что случилось?

— Да ничего не случилось... — растерянно отвечал Паша текущий.

— А ты хоть помнишь, о чем мы думали? О чем мечтали? К чему стремились? Да мы ошибались, но искренне. В этом временном континууме искренность где? Ты себе позволяешь такое по церковным праздникам? — напирал Паша 2008-го.

— Ну, эээ... — совсем потерялся Паша текущий.

— А она? Она с тобой? Не вижу!

— Не сложилось...

— Что значит «не сложилось»?! Как нет?!

— Виновен! Виновен в том, что влачит уныло-мещанское существование! Виновен в том, что слаб и труслив! Виновен в том, что не умеет адаптироваться! — твердо чеканил внезапно появившийся поросенок Хрюня.

— Да, да! Виновен! — пытаясь вторил ему ежик Кольщик.

— Выживает наиболее адаптировавшийся! Ты не выживешь! Никто из вас не выживет! — продолжал Хрюня.

— Да, да! Никто не выживет! Баю-бай! — подтверждал Кольщик.

— Совсем плох, ничего не добился! — не унимался Хрюня.

— Но я работаю... — робко попытался возразить Паша.

— Поработай над этим, — сказал Хрюня, показывая характерные для минета движения.

— Еблан! — емко констатировал Кольщик.

— Виновен в том, что предал свою любовь, предал свое сердце!

— Но я не мог! Она замужем, у нее дети! — выпалил Паша.

— Любовь тянет блевать от штампов и росписи казенной ручки! — категорично парировал Хрюня.

— Ты — хуй! — вышел из себя ежик.

— Я не мог, я не мог... — передразнил Хрюня. — А что бы сделал Гершуни?

— Что? — озадачился Паша.

— Да он бы в первый день в Шлиссельбурге повесился, будь таким слабаком, как ты.

— Ты — хуй! — повторил Кольщик.

Паша проснулся и резко вскочил с кровати. Он инстинктивно огляделся по сторонам. Радикальные коучи пропали. Света спала рядом, а на улице было совсем светло. Его трясло, а настроение решительно не располагало к жизнедеятельности. Он посмотрел на часы и даже немного приободрился: жизнедеятельность ему уже не грозила — самое время собираться на работу.

Паша поел, оделся, вышел на улицу, прошел меж скал титанических неживых корпусов, преодолел многочисленные заборы — средство защиты ЖК от пришельцев из внешнего мира — и поехал на работу. И миллионы людей лились с ним единым потоком по этим волшебным трубам. Вперед, к новым достижениям, новым успехам!

Подойдя к метро, Паша закурил.

— Молодой человек, здесь курить нельзя! — раздался глас законности. — Штраф! — грозно пояснил он же.

Паша безразлично выкинул сигарету и спустился на станцию.

— Так, секунду! — работник метро, не дожидаясь Пашиного ответа, поводил металлодетектором по рюкзаку. — Счастливого пути!

«Ха, идиоты! Краденый огнемёт я в желудке провожу», — победно подумал Паша.

3. Работа

— Как бодрость духа? Джунгли зовут? — спросил Костя, затягиваясь дымом.

— Да, как обычно, — уклончиво сказал Паша. — Знаешь, давеча смотрел ролик, там говорили про биологическое бессмертие. Мол, человечество пытается добыть себе вечную жизнь. Ну как вечную — пренебрежимое старение. Ну как человечество — кучка энтузиастов.

— Тааак, — протянул Костя.

— Сейчас мы не понимаем, как работает механизм старения. Не понимаем, почему мы умираем с годами. Но горстка людей пробует разные гипотезы, проверяет всякое...

— Если на себе проверяют, от чего мы умираем, то отчаянные ребята, — мудро заметил Костя.

— Пока довольно безуспешно проверяют. Я к чему? Ты представляешь, какая это задача? Ведь все остальные меркнут, абсолютно никчемны перед ней. Почему об этом никто не говорит? Это же очевидно. Ну то есть мы решаем что угодно: как бухучет построить, как сделать, чтобы дрон подальше летал, как шашлык мариновать. И абсолютно подавляющая часть человечества решает именно эти задачи. Но мы же не сможем мощно бухгалтерствовать, управлять дроном и мариновать шашлык, если умрем. Так почему все, ну или, по крайней мере, максимальные усилия не направлены на решение основной задачи?

— Ну не знаю, Паш. А как, если мы будем жить очень долго и рожать новых людей, нам на все ресурсов хватит? Может поэтому?

— Ну в текущей ситуации мы умрем с вероятностью 100%. А если мы снизим эту вероятность хотя бы до 99,9%, то это уже веселее, нет?

— Ну может тогда экономика перестанет работать, или типа того...

— Убедил. Умереть — отличное решение экономических проблем. Да и любых других.

— В конце концов, это естественно, — перешел к тяжелой аргументации Константин.

— Рак и чума тоже естественны, но ни у кого же почему-то не возникает дилеммы, надо ли их лечить.

— Так займись сам этим вопросом, — непринужденно ответил Костя.

— Умирения? Я уже.

— Нет, биологического бессмертия.

— Я об этом и хотел сказать. Все устроено так, что у нас для этого нет никаких возможностей. Чтобы этим заниматься, надо получить специфические знания, выучиться на каком-нибудь биофаке...

— Так поступи!

— А жрать я на что буду, если уйду с работы? И это только самое начало проблематики... У человечества столько ресурсов, столько денег... И все они уходят на бухучет и заборы. Истинный крест, если бы не заборы в Москве, мы бы уже давно стали бессмертными. Говорю же, мир устроен странно, — и зачем-то добавил вслух: — А что бы сделал Гершуни?

— Что?

— Забей, это я так.

Курилка постепенно заполнялась проактивными, нацеленными на результат сотрудниками. К дымному дискурсу присоединилась и коллега Настя:

— Как вы съездили на встречу в вуз вчера?

— Вашими молитвами, — отчитался Паша.

— Да пиздец, — загадочно изрек Костя.

Когда Насте доложили детали, она была под впечатлением.

— ...и тогда Паша сказал: «Пусть загуглит про круглое в интернетах», — подводил скорбные итоги Костя.

Вся курящая компания немного посмеялась.

— И что, будем работать с ними, как думаете?

— Убежден, что мы достойны этого, — съязвил Паша. — Как у тебя экзекуция прошла?

— Плачевно. У меня теперь что-то вроде испытательного срока, — вмиг помрачнев, сказала Настя. — Проект очень важен для компании...

Рабочее время желеобразно тянулось по долгому летнему дню. Сустились люди над важной перепиской, что-то важно обсуждали люди в переговорах, важные задачи градом падали на сотрудников, а важные рилсы бесстыдно смотрелись в телефонах. День шел своим плавным чередом, чтобы вновь наполниться темнотой к своему очередному бесследному концу. И Паша не ожидал от этого дня ничего, что хоть как-то запомнилось бы среди бескрайнего множества таких же отчаянно насыщенных дней. Но случай-затейник всегда готов сдобрить гречку бытия пикантной фекалинкой.

Настя вновь что-то обсуждала с руководителем в кабинете. Когда она вышла, голос со стороны кабинета вывел Пашу из блаженного отупения: «Зайди ко мне, Паш!» Паша повиновался, поднялся с места и уверенным шагом двинулся к месту randevu. Проходя мимо Насти, он поймал на себе какой-то нетипичный для нее взгляд — от него веяло жалостью и стыдливостью.

— Да, Стас, что такое? — сказал Паша, войдя в кабинет.

— Садись, — кивнул Стас на стул.

Когда Паша расположился, руководитель решил начать разговор в манере школьного учителя, дабы сразу показать свое ультимативно главенствующее положение.

— Ты что вчера на встрече сказал?

— Да я много чего говорил... — несколько растерялся Паша. — Что тебя конкретно интересует?

— Ты решил пошутить на деловой встрече, Паш. На деловой! Скажи, а мы вместе посмеемся.

— Ты про «поискать круглое»?

— Вооот, а делаешь вид, что не знаешь. Не будем мы с ними работать, — отсек Стас.

— Почему?

— Из-за тебя, почему. Ты знаешь сколько денег мы потенциально могли заработать?

— Что случилось-то?

— Поискал он круглое. Вдохновил ты ректора на овладение мышкой. У них там скандал. Застукали этого ректора — сидел смотрел порнуху. Когда к нему зашли. А он мышку взял и отбросил. Государственный рефлекс у него сработал. Хочет выключить, а нечем — овладел только мышкой, не клавиатурой. Ну а тетка, которая зашла, мрачно ошалела от звуков — и бац! В обморок! Когда ее в себя приводили, ректор так и не смог ничего со звуками ебки поделать. Так под них и откачивали несчастную.

— Я-то тут при чем?

— Ты зачем его сподвиг на это? Тетка в обморок! — повторил Стас, сделав страшные глаза. — Теперь там ведется внутреннее расследование. Все программы остановлены. Люди серьезно обеспокоены таким в высшем учебном заведении! Говорят, что инцидент абсолютно недопустимый. Порочит честь заведения и звание Преподавателя. Короче. Пойми сам, если расследование дойдет до нас, то у нас просто нет возможности тебя защищать, понимаешь? Просто нет!

— Понимаю, инцидент абсолютно недопустимый.

— А пока мы не сможем выплатить тебе премию. Не волнуйся, об увольнении речи не идет, но собственник, Игорь Валерьевич, просто не позволит после такого выплачивать тебе премию. Он же не дурак!

— Я все понимаю, Стас, — покорился Паша.

Когда Паша вышел из кабинета, он был раздавлен. Нет, вовсе не недопустимым инцидентом — он был раздавлен новым кирпичиком разочарования в той стене разочарований, коя комфортно расположилась на согбенной его спине. Он не мог осознать только одного: «Зачем? Хорошо, я могу понять, если это будет гарантированная выгода. Не одобрить, но хотя бы понять. Но тут даже гарантированной выгоды нет».

— На кону моя работа, у меня же испытательный теперь... — виновато прошептала Настя, когда Паша был на траверзе ее рабочего места.

«Кто знает, может именно так мы и придем к биологическому бессмертию», — оптимистично подумал Паша про себя и молча проследовал к компьютеру.

И прав будет укоряющий Пашу сторонний наблюдатель: не Павлу сетовать, ничего особого не произошло, не стоит расстраиваться. Смешная ситуация. Много в жизни смешных ситуаций.

4. Дом

Вновь заботливо просканированный, Паша ехал домой.

«Странно, — подумал Паша в вагоне метро, — в детстве дорога кажется бесконечной. Маленькому человечку, только пришедшему в этот огромный мир, горящему получше разглядеть его, вобрать весь его свет, предельно скучно лицезреть лишь темноту за окном.

В какой-то момент приходит возраст, когда ты едешь с удовольствием, наслаждаясь предчувствием, предвкушая финал поездки. Будь то залитая солнцем незнакомая улица с веселой компанией или чья-то прокуренная квартира с разговорами до утра, дышащий свежестью парк со столетними деревьями или кафешка с первым свиданием. В ослепительных цветах иль белом снегу, в косом дожде иль непроглядном тумане — все пути кажутся открытыми, ведущими лишь к неизбежному счастью. И все будет, все обязано быть, все подчинится всесильной воле, кипящему разуму и всевидящему сердцу. И любая песнь, исполненная пусть хоть самой распечальной тоски, звучит светло в твоей душе!

А потом дорога вновь становится бесконечной. Страшно это признавать, но ты уже давно на этом свете. И, понуро перемещаясь из А в Б, ты уже знаешь: в Б тебя не ждет ничего, что обласкало бы истомившееся сознание. Крылатые качели взлетали не навстречу небу, ветру и радости, но лишь в грязный вихрь апатии, жестокости и крушения надежд. Луч Солнца — и он в глаза! Ворох никчемных дел! Союз монструозной глупости и еще раз глупости, откуда только один выход. И выход этот безотраднее всего».

— Привет, милый! — привычно сказала на входе Света.

— Эге-ге-гей, — откликнулся Паша.

— Как день прошел?

— По-боевому: в борьбе и тревоге...

Паша рассказал о бодрящих рабочих перипетиях.

— И что такого? Рабочие моменты, — выказала мнение Света.

— Ну это же, кхм, подлю, что ли?

— Ну, я бы не стала мастурбировать на рабочем месте, да, — задумчиво ответила Света. — Бай же вей, нужно выбрать подарок Ване и Лизе — им и так нелегко пришлось, собрать тумбу, сделать доверенность для моей мамы, апостилировать доверенность для папы, сфоткать счетчики, устранить течь под раковиной, пропылесосить все и помыть окна к выходным, продать уют и выбрать новую гладильную доску. Вот, я скинула тебе список, — добавила она.

Паша ощутил зловещую вибрацию в штанах. «Столько дел, с чего бы начать?» — подумал Паша и открыл бутылку рома. Он включил ноутбук, налил бухло в стакан и сел за стол. Света одарила его таким неповторимо бытовым взглядом, каким матерая жена смотрит на мужа-алкоголика, грозно пропившего последнюю в доме табуретку. Однако нужно отдать Свете должное — она удержала сожительскую ярость в недрах возмущенного разума и куда-то удалилась.

Через окно на Пашу давили огни циклопических ЖК, а свет ноутбука ласкал его подмосковными просторами. Где-то там, совсем недалеко, шумели леса и текли реки. Их воды видели, как в палеолите наши далекие предки добывали нелегким трудом пищу; они видели корабли древних славян и ударные стройки века 20-го, чтобы, как и сотню веков назад, безмятежно течь, никогда не покинув землю. Там вольной жизнью прыгали в травах кузнечики и летали стрекозы, там грозы разрезали небо и устремлялись ввысь потоки ветров. А Паша сидел за столом и уже наливал себе второй стакан рома, и Дамоклов меч невыполненных дел был готов в любую минуту сорваться на его голову.

На кухню зачем-то вернулась Света.

— А ты знала, что на Клязьме есть стоянки древних людей? — вдохновенно спросил Паша.

— Что за Клязьма? И зачем им нужны были стоянки?

— Река тут, недалеко. Они там жили.

— Слушай, ты сидишь, пьешь свой ром, а у меня тут жизнь. Зачем мне эта информация? Какой от нее смысл? Что она мне даст? — искренне спросила Света.

Ром внутри Паши запротестовал: «Давай! Скажи ей! Скажи, что знание прекрасно само по себе! Что не все в этом мире должно быть подчинено утилитарной функции! Мы же родились не роботами-пылесосами! Зачем жизнь? Только чтобы поддерживать саму себя до окончания, аки замкнутый цикл в говнокоде? Да и вообще, — разогнался коварный дистиллят, — скажи, мол, хочешь практических смыслов? Лови! Мне с тобой не о чем говорить, мне с тобой чудовищно скучно. Да все губернии плюют на твои доверенности! Что мне нравится с тобой лишь заниматься сексом, но на одном сексе до победы мировой революции не добраться. Ты переехала ко мне полгода назад, вместе мы год. Но я уйду. Просто не решаюсь пока сказать. Как тебе такой практический смысл знания, а?!»

— Да ладно, черт с ним, — махнул рукой Паша.

— И это твой ответ на вопрос? И ты всегда так!

Паша отпил еще глоток рома под вдохновляющую речь Светы фоном. «Что дальше? — думал он. — Пора посмотреть правде в глаза. Кольщик был прав. Я — хуй. Но как мне лишиться себя этого гордого статуса? Что я могу сделать? Посвятить себя борьбе против старения? Но я же вшивый маркетолог. Я им что, рекламу запущу? Ага, „Борьба со старением от 4000 рублей в месяц“. Или задачу поставлю? „Пофиксировать смерть, срок — послезавтра“. Может надо начать с мелочей? Но я и так: я отжимаюсь, питаюсь правильно, работаю это проклятую работу так, как надо. Стараюсь везде вести себя, чтобы соответствовать сомнительному званию человека. И где это удовлетворение? На каком стакане воды с лимоном я должен почувствовать, что все не зря?»

— Без доверенностей я не смогу получить справки! — яростно сокрушалась Света на заднем плане.

Паша продолжал размышлять: «А может я не прав? Может надо отпустить все это, всю эту глупость. Стоп, а какую глупость? Я же ничего и не придумал. Хочу чего-то, но даже не понимаю, куда ткнуться. Потому что я жалок. Стоянки на Клязьме. Предок-гоминид посмотрел бы на меня и, задумчиво теребя волосы на груди, сказал: «Ну и жалок же ты. Я бы с тобой на одном поле прямо ходить не стал».

Да, объективных возможностей небогато. Но разве это может служить оправданием? Где тот источник радости? Даже старый-добрый алкоголизм уже не спасает. Раньше «Виноградный день» на лавке умножал радости, а теперь хоть трижды элитное бухло, выгнанное из спермы быка, подобно познанию — умножает скорбь. О! Все дело в окружении! Да, все дело в окружении!»

В голове Паши начинал созревать план-минимум:

«Нужно развеяться, удалиться из окружения. Я все лето провожу в парадигме дом — офис. А ведь не сказать, что судьба уготовила этих лет вволю. Сука. Как бы поступил предок-гоминид?»

Общительный кроманьонец не замедлил присоединиться к диалогу:

— Позвольте-с! Мой излюбленный досуг — охота на росамах. Покамест оным промышляешь в наших клязьминских угодьях, завсегда ласка девичья будет вам наградой, барин, — сказал гоминид, почесывая волосатую спину.

— Что ты имеешь в виду?

— Соитие-с, — томно пояснил мастер охоты.

— Ну этого добра я уж пригубил. Хотя, конечно, не лишнее... Вот беда: в наших краях нет росамах. Что тогда?

— Коли росوماха уходить изволит, снаряжаться надобно в странствие за ней немедля.
Cent pour cent.

— И как вы это делаете?

— Малые суда более всякого употребить для сего предприятия удобно, — пояснил кроманьонец.

— Лодка! — восторженно вскричал Паша. — Спасибо тебе колоссальное!

— De rien, monsieur, — элегантно улыбнулся кроманьонец и растворился в недрах воспаленного разума.

Паша стремительно, как бросок советских танковых армий, заказал легкую надувную байдарку с рюкзаком и бутылку хлебного вина.

На следующий день он забрал все и принес домой. Он проверил лодку, сверил маршрут, глянул расписание электричек, посмотрел прогноз погоды, собрал все необходимое и в придурковатом радостном возбуждении решил часть опостылевших дел, чугунным якорем тянувших душу ко дну.

— Привел дела в порядок! — с улыбкой доложил Паша.

— Ну и куда мы это ставить будем? — скептически выдала Света, смотря на внушительный рюкзак с лодкой.

Пашу это уже не волновало: «Так, станция Назарьево. Доберусь часа за два с половиной. В те края, где скитался Слепцов, где искал счастья Ерофеев, где воспел юность Фатьянов, куда ходили многие до них, и куда без числа будут ходить после. Там грозы разрезают небо, там ветра устремляются ввысь!»

5. Минувшее — Назарьево

Утром Паша не пошел на работу. Он сказал, что ужасно себя чувствует и вынужден взять день за счет отпуска. То была наглая ложь — этим утром Паша чувствовал себя замечательно. Он очень торопился: клязьминская вода истосковалась по нему, заждались его залитые солнцем прибрежные плесы. «Мне 35 — я не могу позволить себе тратить остатки земного времени на чистку зубов», — рассудил Паша, быстро все в последний раз проверил и выступил в дорогу.

И когда Паша оказался на вокзале, в царстве досмотров и аккуратных, строго по ГОСТу расставленных будок, он не раздражался. Он знал, что скоро сойдет с этого плаца, прикрытого маской урбанистики, но где передвигаются лишь строем. Где все, что может выдать в тебе живого человека — будь то бутылочка с алкоголем, сигарета или напевание песни — является нарушением порядка. «Образцовый гражданин должен быстро и молчаливо перемещаться из дома на работу и обратно. Вечером зачинать ребенка, а на следующий день уже чинно прогуливаться с дитем в парке. В зоне для прогулок родителей с детьми. И платить налоги, — подумал Паша. — Не зря еще Герцен писал, что идеал общественного порядка для петербургских царей — передняя и казармы».

— Счастливого пути! — прозвучало после финального просвечивания лодки.

— Спасибо, — дружелюбно ответил Паша.

«Все! Теперь осталось только домчаться и выгрузиться! — с восторгом подумал Паша, садясь в душную электричку Горьковского направления. — Вот и последний этап моего пути!»

Был будний день, и боги перевозок позволили ему занять место у окошка. За стеклом проплывали твердины Андроникова монастыря, дворец культуры завода Серп и молот, утнувшие во времени дома Карачарова и Чухлинки... Когда электричка вырвалась за МКАД, Паша испытал подзабытое чувство какой-то детской беспричинной радости. Мосты и обветшалые домики непонятного назначения, плутающие в зелени дорожки у станций, полоска теплотрассы на фоне заброшенных промышленных строений, исписанные нечитабельными словами заборы, усталые люди на перроне, лучи солнца на старых, пошарпанных хрущевках... Все это отозвалось образами из далекого детства, будто он вновь ехал куда-то, держа мать за руку, и все казалось большим и интересным, и все было впервые!

Его окутала сокровенная нежность, и прошлое расплывчатыми милыми обрывками наводнило уставшую от рутины взрослой жизни душу. Странна и избирательна самонадеянная память. Почему она не решается сохранить первые шаги или первые слова, сошедшие с детских уст? А может, она и права — ничемно их значение в хладнокровном ходе времени. Но зачем тогда Паша помнил ту снежную горку? Он, совсем крошечный человек, шел через парк Кусково с родителями, и вдруг пред ним открылась Она. Она появилась внезапно, и Она стала ему апофеозом детского блаженства: кучи ребят съезжали с огромного склона с радостными криками — на картонках, линолеуме, санках и собственных детских жопках, беззаботно и светло, а сверху все падал и падал без конца пышными хлопьями снег.

Паше довелось расти во времена темные, дремучие: дети с яростными воплями беззаветно прыгали по вкопанным в землю покрывкам и катались на качелях, кои больше напоминали средневековое орудие пыток. Они задорно крутились на каруселях, норовивших вот-вот слететь со своей оси, и скатывались с жестяных горок, где порванные штаны были лучшим порванным, что ребенок мог приобрести на этих горках. И среди всего этого торжества детской боли, в Пашиной памяти навек сохранился Его Величество Шинозавр. Шинозавр жил на почтительном расстоянии от Пашиного двора, поэтому визит в ареал его обитания Паша всегда воспринимал как праздник. Несмотря на свою твердую покрывшечную шкуру, суровый вид и размеры — а шея шинозавра возвышалась на добрые несколько метров над землей — шинозавр был очень добрым, и не было случая, чтобы он вел себя агрессивно по отношению

к детям. Он всегда встречал их тепло и позволял сколь угодно лазить по себе, и желающих всегда было в избытке.

Когда Паша стал уже взрослым, шинозавр вымер. Пришли люди в безразличных костюмах и навек оборвали невинные его чаяния потоком бездушного мертвого канцелярита: «... в целях обеспечения безопасности, несоответствие, множественная коррозия...» Но поколениям окрестных дворов ни за что не забыть ласковой доброты шинного гиганта, посвятившего жизнь детскому счастью.

Пашин вагон был залит солнцем. Людей было немного. Какой-то мужик деловито потягивал пиво. В этой простой, неказистой картине величественно проглядывалось что-то аж из сакральных мечтаний Лермонтова — свобода и покой. Паша взглянул на небо: на нем не было ни облачка. Казалось, сама природа благоволила его скромному путешествию. Он уносился в электричке все дальше от Москвы и вдохновенно все глубже погружался в воспоминания, столь свойственные стуку вагонных колес.

И если детство казалось безнадежно далеким, скрытым за сетью пройденных дорог, то 2008-й год стоял у него пред глазами будто вчера. Будто вчера Максим сетовала на сжигающий фонари проклятый дождь. Будто вчера важно аюкала ICQ посреди вечернего полумрака. Будто вчера Паша пил дешевую водку за свое поступление в институт, морщась и всласть, как и назначено пить водку в 17 лет. Будто вчера впервые встретился он глазами с той, казалось, абсолютно обыкновенной, чтобы не позабыть ее до самого конца.

В те годы «Виноградный день» имел крепость в целые 8,9%, а царь Леонид достиг пика популярности за 25 веков — это обнадеживало и заставляло верить в лучшее. Поколение Паши было последним, которое застало мир таким, каким он был до интернета. С шумом листаемых страниц и ворохом канцелярских принадлежностей, с информацией, жадно выхватываемой по крохам из книг, телевизора и журналов. С вылавливанием песни на радио, с тоской ожидания и долгими раздумьями под завывания ветра за окном. И тогда, на переходной грани конца нулевых, казалось, что с такими технологиями человечество никогда не сможет, не имеет права вновь двинуться в сторону темной грязи Вердена и Сморгони. Казалось, что даже самый отпетый адепт тренингов личностного роста сможет воспользоваться всем тем, что ему предоставлено, чтобы сделать логические выводы. И лишь те люди, которые во время просмотра «Операции «Валькирия» гадали, получится ли у Тома Круза, вызывали некоторое опасение.

Поезд неумолимо мчался в края бескрайних полей, и где-то в районе Электроуглей в вагон взошла неземной красоты девушка. Ее густые темные волосы падали ей на лицо, но она грациозным движением поправила их. В этот момент она поймала на себе нечаянный и восхищенный взор Паши. Он немедленно смущенно отвел глаза. Но девушка все заметила и послала ему в ответ робкую, едва уловимую улыбку, напомнив что-то, что было с ним когда-то очень давно. Первые, неуверенные и чарующие взгляды! Милый голос посреди хора пьянящей юности. И теперь, спустя многие года, ты вспоминаешь не эпические карьерные успехи, не всю мастерски собранную для квартиры мебель, и даже не с боем полученные справки. Ты вспоминаешь тот тихий голос, все так же нежно звенящий сквозь безжалостное время.

То была одна из первых, а может и вовсе — первая встреча тех, кому предстояло вместе пройти тернистыми тропинками отечественного высшего образования. Сентябрь 2008-го был умыт осенними дождями, но в тот, первый его день, светило солнце. Пестрели рекламные растяжки, леди бодро шагали в джинсах с заниженной талией, а в бесчисленных палатках ждали покупателей пиво и сигареты. Овип Локос — это наше вечное знамя! На горизонте виднелись первые недостроенные башни Москва-Сити — грозный предвестник эпохи чело-вейников, а компания еще не вполне знакомых, но уже студентов ошивалась по улице. Они насладились парадной официозной частью, и, отчаянно вдохновившись своей гордой участью будущего России, искали продуктовый магазин. И разве могло отсутствие онлайн-карт остановить этот порыв юности?

— Я надеваю свой плащ и волшебную шляпу, иии... — выдержал паузу студент, прежде чем торжественно достать из перекинутой через плечо сумки полторашку «Виноградного дня».

Кто-то из компании неуверенно переглянулся, но не решился сразу показать свое буржуазное нутро. Кто-то скептически подметил, что это на половину человека. Но в целом все были открыты этому дню и с энтузиазмом начали разбирать стаканчики.

— А теперь давайте еще раз познакомимся на всякий случай, — шутливо продолжил студент. — Меня Слава зовут.

— Гриша.

— Паша.

— Марина.

— Ольга...

— Акулина, — нарочито отчетливо и серьезно представилась девушка.

Компания слегка смутилась и на секунду замолчала. Девушка поймала на себе странные непонимающие взгляды.

— Извините, — хихикнула она, — мне почему-то показалось это смешным. Маша я, — продолжила она чуть серьезнее.

Паше это тоже почему-то показалось смешным. Он куртуазно потягивал «Виноградный день» и смотрел на Машу. Ему понравилась ее пленительная улыбка с каплей грусти, ее короткие темные волосы, ее тонкие губы, ее изящная нежная фигура, ее тихий искренний голос, ее манера держать себя открыто, но, в то же время, как ему показалось, не слишком подпускать к себе кого-то. И все в ней — ее речь, ее вид, ее мимика — было живое и неподдельное, подвижное и высокое. И когда она закуривала сигарету, ее красивые тонкие пальцы без маникюра мягко скользили по колесу зажигалки.

Закат обволакивал улицы Шаболовки, и последние лучи играли на стенах Донского монастыря, и старая ажурная башня видела первые их слова друг к другу. Уже давно разошлась половина новоиспеченных студентов, но оставшиеся не считали возможным так легко отпустить первый день своей университетской жизни. «Неужто он не заслуживает водки?» — рассудили они. Тотчас была снаряжена экспедиция, но Паша остался с Машей во двореке.

— А что ты не пошел?

— Ну разве я могу оставить даму одну? ...да и ебаная нога что-то болит, — галантно изрек уже довольно пьяный Паша. — А ты будешь водку? — с джентльменскими нотками вопрошал он.

— Ну если кто-нибудь опять включит рэп, то у меня просто не останется выбора, — улыбнулась Маша.

В ответ Паша расплылся в идиотской ухмылке, коя, впрочем, ему казалась если и не столь обаятельной, как улыбка молодого Брюса Уиллиса, то чем-то определенно очень близким.

— Какие впечатления, что думаешь по поводу всего этого?

— Я вообще не слишком положительно отношусь к образованию: многие знания — многие печали, — усмехнулась она. — Но, учитывая наш факультет, думаю, мы в безопасности.

— Я не могу видеть будущее, — посетовал Паша, — как говаривал Робокот, мы всего лишь люди. В любом случае, уже рад знакомству с тобой, — сказал он с подлинной искренностью, не в силах сдержать порыв.

— Тудун-тун-тун-тун, тудун-тун-тун! — с улыбкой пропела она в ответ мелодию из упомянутого им фильма.

Первые встречи, последние встречи! И если бы Павел и Мария были персонажами синематографа, то, разумеется, сразу же влюбились. Но жизнь несколько витиеватее полторачасового нарративного канона. Невозможно утонуть в омуте любви, лишь помочив в нем ноги. Но что они вынесли из того невозвратного дня, так это первое впечатление друг о друге. И видит любой из богов: идиотская Пашина ухмылка пришлась Маше по душе.

Те годы были эпохой колоссальных перемен: ученые мужи усиленно спорили, кем должны выпускаться студенты — специалистами или бакалаврами. Одни заявляли, что специалистов ни один уважающий себя работодатель даже со своей тряпкой пол мыть не возьмет; другие были уверены, что новомодный бакалавр не стоит и мизинца исконного специалиста. Кто знает, может кто-то даже предложил радикальное решение проблемы — введение эксперториата. Но никто так и не потребовал массовой казни оппонентов — ах, как невинны были тогдашние споры! Под их аккомпанемент Паша с Машей грызли гранит наук и отворяли ворота в другую, скрытую доселе жизнь. Они бесцельно слонялись после пар туда, куда глядят глаза, и все пути радостно встречали своих первооткрывателей. И они говорили, говорили и говорили без конца, чтобы открыть друг другу новые, неизвестные миры.

И даже Паша не упомнит, в какой из дней того сентября она впервые обронила фразу «мой парень». Раньше он никогда не испытывал такого чувства внезапной, пронзающей душу досады и разочарования. Будто чудовищный гермозатвор мгновенно рухнул внутри него и своей массой раздавил, перечеркнул что-то очень сакральное, скрытое глубоко внутри. И он еще не до конца понимал, почему ощутил это в тот момент.

— Что с тобой случилось? Ты как-то погрустнел... — ласково спросила у него Маша.

— Да нет, все в порядке, — соврал он.

Конечно, она начала обо всем догадываться раньше самого Паши.

— Слушай, это не значит, что мы с тобой будем меньше видаться, или типа того, — аккуратно сказала она, источая свободу.

Паша натянуто улыбнулся в ответ.

К исходу зимы ему стало очевидно, что он безнадежно, невозвратно влюблен. Влюблен как следует любить впервые — чтобы не спать ночами и не думать больше ни о чем. «Оказывается, вот как это бывает по-настоящему. Вот как оно случается. Что ж, себя не обмануть. В каждом тексте, в каждой песне я вижу лишь ее. Она — Эсмеральда, она — Роза, она — Лиля. Но что мне делать? — в который раз растерянно рассуждал Паша. — Что я могу? Может она и вовсе ничего не знает? Нет, она проникательна и умна, она не может не знать. Она должна, должна знать. Но она не открывается мне, а это значит лишь одно. Да, несовпадение... И что мне делать? Кто-то говорил, мол, если любят, то хотят этому человеку счастья, и нет никакой разницы с кем. Гнусный эстетствующий кретин! Какой же бред! Лицемер! Назовите это эгоизмом, чувством собственности, как угодно! Решительно, ультимативно похуй! Если вы не жаждете, чтобы этот человек всеми правдами и неправдами был с вами, это что угодно, но только не любовь. Нееет, Паша, в этом говне нет утешения, себя не обмануть. Себя не обмануть», — выдавал грозный приговор разум.

И в измученной его юной душе кричал, вопил, молил голос поэта:

Ты хоть бы раз сказала «да»
Мне, ожидавшему в надежде!

Хотя Паша и познал девичью ласку, он был неопытен. К черту этот опыт! Он был прекрасно молод и не успел еще окутать сердечный трепет в скорбное прагматичное пальто зрелости. Расчетливая зрелость не признает пламени внутри и блеска влюбленных глаз — она ставит перед собой практические цели. В 30 лет человек прямо выкажет свое намерение банальным словом и пресным букетом цветов, и будет удовлетворен прямым же ответом — да или нет. Вот так утилитарно, без глубины, без половодья чувств. Но тогда все было иначе, все было впервые. Все было по-настоящему.

Весна вступала в свои права первыми дуновениями теплого ветра и таянием снегов. Его девятнадцатая весна. Существует ли лучшее время для мечты? И Паша мечтал, что и в ее душе растает снег, и все чаяния его были обращены лишь к ней одной.

И тем теплым апрелем, что навсегда растворился в водах Леты, природа проснулась и источала жизнь.

— Я бы сейчас не отказался от штофа «Виноградного дня» на столичных просторах, — изысканно изрек Паша, вдохновенно затянувшись сигаретой возле храма знаний.

— Право, оставьте-с, — кокетливо ответила Маша. — У меня вовсе нет капиталов.

— У меня от стипухи еще 51 рубль налом, — томно выдал Паша с элитарным оттенком в голосе.

— Сударь, этого хватит аккурат на штоф Виндня, но хотелось бы еще и орешков к нему. Вы же все-таки с лэди, — парировала Мария.

Будучи джентльменом до мозга костей, Паша воспринял это серьезно и судорожно начал искать выход из положения. Однотруппники — этот источник мелкого ростовщичества — как назло не маячили на горизонте. Вдруг он увидел решение.

— Так, пойдемте-с! — уверенно скомандовал он и решительно выдвинулся в неизвестном направлении.

— Куда? — непонимающе вопрошала Маша.

— Сейчас увидишь... — последовал ответ. — Удача любит храбрых... — загадочно добавил он.

Интрига сохранялась недолго. Через пару минут они стояли у затемненных дверей с табличкой «Игровые аппараты» над ними.

— Аппарэйшны! — с истерическим торжеством заявил Паша.

— А ты думаешь, что это разумно? Я никогда не была в автоматах...

— В такие роковые моменты думать — это излишне. Теперь на кону все, — с нарочитой эпичностью продолжил он. — Или у нас будет Виндень с орешками, или не будет ничего! Пошли!

Они уверенно шагнули во тьму игрового зала. От аппаратов доносились странные попискивания, наверняка сулящие успех. Какой-то мужчина в темной кожаной куртке монотонно жал кнопку игры раз за разом, а исполненная тихого фаталистического негодования речь его была обращена к подлому аппарату: «Ай, что же ты мне не даешь, блядь; ай, маму твою ебал».

— Так, ты будешь моей игровой музой — выбирай аппарат! — прервал Паша Машину ошарашенность.

Маша неуверенно тыкнула в аппарат левой стены.

— Так, начало неплохое — тут можно играть от полтинника! — констатировал Паша. — Ну-с, с богом! — сказал он, засовывая в аппарат единственную купюру и закуривая сигарету.

Какая-то женщина в строгом костюме тотчас принесла им пепельницу, посмотрела на экран аппарата и одарила их презрительным взглядом. Паша выбрал ставку и нажал на кнопку игры. Маше происходящее показалось каким-то абсурдным, и она зачем-то рассмеялась вслух. Все были при деле.

С каждым нажатием счетчик денег неумолимо приближался к нулю. И когда казалось, что «Виноградный день» под орешки свирепо переходит в разряд несбыточных мечт, три красные клубники весело заплясали им с экрана. Что-то закрутилось, замигало, и через несколько секунд Паша вскрикнул:

— Да! Я покажу тебе настоящий праздник!

Он подозвал женщину в строгом костюме:

— Снимите, пожалуйста, 300 рублей.

Женщина удалилась, не проронив ни слова, но практически сразу же вернулась. Не снимая с лица крайнего презрения, она все так же молча выдала Паше три сторублевые купюры.

Ах, когда Паша с Машей вышли на улицу, они ликовали так, как можно ликовать над мелочами лишь в 18 лет! Паша удалился в ближайший ТЦ, в цоколе которого уютно расположился магазинчик.

— Обожди тут, пожалуйста. Я сейчас вернусь, — хитро сказал он и скрылся в дверях. Когда он вернулся, Маша встречала его аристократической укоризной:

— Ну и где мои орешки?

— Все тут, — Паша довольно похлопал по прибавившей в весе сумке. — Есть и еще кое-что!

Он радостным движением вынул из-за спины цветок из разноцветных, розовых с зеленым, воздушных шариков.

— Это тебе, — заулыбался он.

Маша расплылась в чистой улыбке и довольно приняла презент.

— Таких цветов мне еще не дарили, — умиленно сказала она, рассмеялась и изобразила наслаждение от аромата цветка. — По поводу чего подарок?

— А просто так, — ответил Паша с мечтательной грустью в голосе, и все слова, которые можно было сказать, вмиг растерялись в его разуме.

Они решили поехать в Щукино. И там, на высоком холме над Москвой-рекой, они любовались открывшимся простором, шутили, смеялись и говорили о многом, а дешевый алкоголь заботливо обволакивал их юные души, еще не изувеченные бесплодной суетой.

— Знаешь, это абсолютно невозможно представить, это как дерево без ствола... — сказал Паша.

— Ну если у дерева нет ствола, то это уже не дерево, это — пустота, — философски заметила Маша.

— Тем не менее, — не сдавался он, — где находится Вселенная? Вот квартира находится в доме, дом в районе, район в городе. А Вселенная в чем? Как вообще можно охарактеризовать то, что за ее границами?

— У меня есть теория на этот счет, только не смейся.

— Истинный крест, — насмешливо-серьезно произнес Паша.

— Я думаю, там накапливаются, собираются из частиц места и времени, где нам было лучше всего. И именно туда мы потом попадаем, и там найдется приют для всех. Для каждого живого существа. Для каждого человека, ходившего по этой земле, и для каждого муравья, кратко бегавшего по ней своими крохотными лапками. Это происходит по какому-то радикально неясному закону, который ни за что и никогда не будет понятен людям; который за абсолютной, тотальной гранью наших представлений и наблюдений.

Она сказала это и зачем-то мимолетно посмотрела на Пашу. Она посмотрела на него нежно и проникновенно, и в глазах ее, казалось, блеснуло что-то сокровенное, что не открывается почти никому. Она быстро отвела взгляд, будто испугавшись чего-то, но Пашин взор успел все ухватить. Он ухватил ее взгляд жадно, как пьет араб в пустыне, как хватается тонущий за спасительную веточку. И Паше вовек не предать злему забвению тот первый, скоротечный и едва заметный блеск глаз, принесший ему надежду. И в тот апрельский день они еще долго стояли на высоком холме над Москвой-рекой, и ветер покачивал смешной и нелепый цветок из воздушных шаров, розовый с зеленым.

Но и время надежд подходит к концу, как подходили к концу нулевые. Строгая серость побеждала морскую синь поездов-старичков в московском метро, стремительно шли на убыль подписчики «Клуба любителей заржать на ответственном мероприятии», тектоник-киллеры бесследно ушли туда же, откуда зачем-то ненадолго приходили — в живительное небытие. Первые из подписчиков «Трахни нормальность» уже осуществляли свое грозное намерение путем заведения детей и ипотек, а Тамада Баянист Услуги почему-то свернул грандиозную рекламную кампанию. Однако самые мрачные тучи только сгущались на горизонте — руководство ВКонтакте уже задумало замену стены микроблогом, но люди, не одаренные даром провидения, находились в спасительном неведении.

И проходили беззастенчиво месяцы, и Пашина душа давно устала блуждать в хмелю несбыточных надежд, но он не мог, не желал, не смел пасть жертвой глупого и злого несовпадения. Он упрямо и абсурдно верил, что они совпали. Совпали, как только могут совпасть люди на земле и в небесах. И что она поймет это. Рано или поздно поймет. «Ведь она благоволит мне, — в бесчисленный раз терзался он. — Это видно, когда она интуитивно берет меня за руку, когда обнимает, когда говорит со мной, когда улыбается мне. Делится со мной самым сокровенным. Но почему она не открывает эту последнюю дверь, не дает даже крохотного знака, что готова открыть ее. И вообще, что она нашла в этом еблане?! Натуральный питекантроп! Сучий пес, блядь! Разве он, он, блядь, заслуживает ласк ее губ?! Он не испытывает к ней и сотой доли того, что испытываю я. Хули она все время опять с ним?! Вроде расстались, но нет, блядь! „Паша, мы помирились“. Ага, круто, заебала! Иди на хуй! Вместе со своим ебаным питекантропом!» — интеллигентно резюмировал Паша. Но он не мог себя обмануть.

Он был с другими девушками, чья красота давала ему утешение. Но стоило слегка спасть наваждению страсти, немного сойти сладкому волнению первого поцелуя, и вновь приходило мрачное осознание. Паша не мог ничего сделать. Он старался, старался, как мог. Но тщетно Паша пытался отыскать в любой из них то, что нашел однажды лишь в ней. И единственная звезда, недостижимая и прекрасная, озаряла своим светом его дни. И у этой звезды было простое непримечательное имя: Маша.

Лето 2010-го горело в огне пожаров. Москву заволокло дымом, а Паша, Маша и пятеро их общих друзей с подлинно революционной решительностью лезли через забор железнодорожной станции. Они направлялись на чью-то дачу, чтобы пить и пить весь день и всю ночь, и ни один забор, ни один контролер не в силах были заставить их бросить этот план! Они ехали в банеподобной зеленой электричке, обливаясь потом, но полные жизни. Их не смущал факт отсутствия денег даже на обратную дорогу — все необходимое у них уже было: алкоголь, какая-никакая, но еда и милые друзья под боком. Они ехали весело и беззаботно, будто эти летние дни не кончатся никогда. И все курили в тамбуре, смеялись и предвкушали замечательную тусовку — ах, могла ли она быть другой в тех обстоятельствах?

И тем августовским вечером гитара звенела им в тени яблонь, и водка мягко струилась в их плотки, и девичий голос лелеял слух песнями о любви:

Почему я все ночи здесь полностью
У твоих пропадаю дверей?

Ночь даровала всей компании ощутимую по меркам того лета прохладу. Никто не собирався ложиться спать. И вовсе не по той причине, что на даче просто не было достаточного количества спальных мест. Нет, тогда никто не имел буржуазных привычек а-ля спать на кровати — такие мелочи никого не волновали. Просто им не хотелось прекращать. И когда кто-то сказал: «А может сходим искупаться на местное озерцо?», то ни у кого не возникло ненужных вопросов.

Ждать было нельзя, и вся добрая компания оперативно снарядилась во что нашла: подозрительного вида штормовки поверх плавок, кофта фасона «зачем вы бросили меня, за что?», рваные резиновые шлепки, дыхла девьяностями найденная в безднах кладовки выцветшая майка «Титаник».

Они взяли бухло и выдвинулись, напоминая своим внешним видом стаю зомби, живущих на зомбиевый МРОТ. Они шли навстречу водным процедурам проселочной дорогой. Странный звук посреди идиллического хихиканья.

— Ир, ты что, рыгнула? — спросил Паша.

— Да, — как ни в чем не бывало ответила Ира.

И добрые смешки были ответом ее расслаблению, которое можно ощутить только в компании друзей.

Вот уже мелькает в сиянии луны водная гладь. Абсолютная тишина, ни души. Но что это? Что за странный объект неподвижно лежит на берегу во мраке ночи? Это был человек. К удивлению присутствующих, при приближении он начал производить неуверенные движения. Превозмогая гравитацию, тело повернулось к ним лицом. Теперь в нем можно было узнать мужчину лет пятидесяти, судя по всему, живущего свободной от мирской суеты жизнью. Но вопросов все еще оставалось много. Однако мужчина и сам жаждал прояснить все для народа: — Я акробат, — с трудом предоставил он всю необходимую информацию о себе.

После этого мужчина зашевелился увереннее и решил, видимо, доказать свою принадлежность к гордой профессии. Когда мужчина встал на руки, все изумились и замерли в ожидании немыслимого кульбита. И он не заставил себя долго ждать: акробатическое тело плашмя рухнуло на землю, откликнувшись в ночь эхом боли внутренних органов. Алле оп!

Когда друзья вернулись на дачу, они были насыщены впечатлениями и надломлены издревле обитавшими в тех краях злыми этиловыми духами. Да и дневной лимит дешевых сосисок — основного блюда в меню студенческой тусовки — был уже в значительной степени исчерпан. Компания начала плавно рассасываться по импровизированным местам для сна. «Всем покои», — сказала Маша, уходя куда-то в сторону, где ждали ее объятия Морфея. «Но не мои», — подумал Паша, прощаясь с ней. Его охватила неясная тоска, и он решил выйти на крыльцо покурить.

Ночь была тиха, мерцали на небосклоне звезды, и яблоня в саду плавно покачивала ветвями от легких дуновений ветра. Паша сел на ступеньку и задумчиво закурил в одиночестве. Он устремил взор на восток, где что-то привлекло его внимание. Сквозь сигаретный дым он увидел вспышки. Это зарницы неуверенно и редко разрезали тьму где-то вдали. Зачем-то он представил в уме, где примерно это происходит. Он потушил сигарету и закурил еще одну. Спать не хотелось, и Паша сидел и наслаждался тишиной. Он посмотрел вверх: над ним неярко горела безмерно далекими точками Лира. «Звезды и небо! — а я человек!..» — шепнула ему неизбежная грусть.

И когда сзади него слегка скрипнула дверь, он не ожидал увидеть Машу. Но это была она, и она спокойно сошла к нему.

— Привет, — смущенно и тихо сказала Маша.

— Привет, — несколько смутился и Паша.

— Целых минут тридцать мы не виделись, — нежно улыbnулась она. — Позволите? — кивнула она на ступеньку.

— Конечно, — тепло ответил Паша.

Она присела рядом с ним.

— Что-то не хочется спать...

— Мне тоже, — признался Паша.

Они оба на секунду замолчали, не находя что сказать. Это было нетипично для них, но Маша быстро прервала паузу, указав рукой на восток.

— Что это там? Зарницы?

— Да. Где-то там, по моим прикидкам, течет Клязьма. Видимо, над ней сейчас гроза.

— Даа, давненько я не видела дождь, — с ноткой мечтательности произнесла она, не отводя взгляд от вспышек вдалеке.

— Да, — неловко отрезал Паша.

Ощущая несуразность диалога, они посмотрели друг на друга и интуитивно рассмеялись над этим. Вдруг улыбка медленно сошла с Машиного лица. Паша осознал, что она смотрит на него так же, как тогда, на берегу Москвы-реки, но уже не отводит взгляд. Ее глаза были исполнены светлой нежности, и она никуда, никуда не прятала ее. Паша смотрел на нее, как

смотрят прекрасный сон, не веря, что он может быть явью. Они потянулись друг к другу, и их губы плавно, едва заметно соприкоснулись, чтобы слиться в трепетном поцелуе. Он гладил ее мягкие волосы, а она женственно положила свою тонкую руку на его. И им еще не было и двадцати, и их сердца бились так сладко, как никогда, и яблони в саду наслаждались прохладой ночи, а где-то вдали над Клязьмой бушевала гроза. И даже звезды певучей Лиры аж до самого рассвета не в силах были отвести от Паши и Маши упоенный свой взор.

«...защитим своих. Выплаты гарантированы губернатором Подмосковья», — резко оборвал все голос из громкоговорителя. Паша вышел из забытия и огляделся по сторонам. «...и эту сумку парень тебе подарил?!» — восхищался голос из видео у кого-то в телефоне. «...категорически запрещено! За нарушение предусмотрена административная ответственность», — не унимался громкоговоритель. И через несколько секунд заговорил опять: «Следующая станция — Назарьево».

За окном проносились путевые столбы, чтобы навсегда остаться позади.

6. Клязьма

Паша шел от станции по устланной досками гати, и шум железной дороги скрывался позади. На пути его лежал дачный поселок, окруженный со всех сторон высоким забором. И когда Паша прошел через широко открытые ворота, он был разочарован столь дерзким презрением к безопасности. «Даа, чешские сервизы и пошарпанные табуретки тут в грош не ставят!» — подумал он.

Жители поселка совершили и еще одно возмутительное преступление против милых среднерусской душе заборов — проделали большой и удобный проход из поселка в лес. Паша нагло воспользовался им, и теперь путь его пролегал сквозь высокие сосны с лучами утреннего солнца меж ними. Он закурил и с наслаждением вдыхал полный канцерогенов дым и лесной воздух. Тяжелый рюкзак с лодкой намекал, что это только прелюдия, а закрепленная на рюкзаке сумка с хлебным вином игриво била его по заднице. Прибитая к дереву табличка напоминала: «Мусорить запрещено! Пойма реки защищена ЗАГОВОРОМ! Береги себя!»

И вот лес кончился, и Паше предстала она — Клязьма. Воды ее вальяжно двигались на восток, в траве у ее высоких берегов стрекотали кузнечики, а где-то поодаль грациозно и уверенно, полные достоинства, пели свою песнь лягушки. И на душе у него вдруг стало спокойно и легко, как в детстве. Отступили вдруг многочисленные заботы. Воды Клязьмы будто разом смыли их, показали всю их пустоту, всю эфемерность напрасной каждодневной рутины. И маленькие зеленые создания прокваливали ему издалека: «Мы с тобой одинаково ничтожны в бескрайней мгле Вселенной, и доля наша едина. Никому не запомнить наш голос, некому запомнить твой. А у кого получится, так не в силах он его передать, ибо и его запомнить нельзя. Так слушай же нас сейчас, пока мы говорим: сядь в лодку, пригуби хлебного вина, воспой миг гармонии — растворишься всецело в водах Клязьмы».

Паша прислушался к совету. Он шел вдоль обрыва, по самому краю, и искал место, где сможет спустить лодку. Наконец подходящий заход обозначился. Паша надул лодку так быстро, как только мог. И вот ее днище плюхнулось на воду, а днище Паши — в лодку. Он взял весло и неспешно орудовал им, а впереди на сотни километров простиралась меж отвесными берегами вода, и деревья заботливо склоняли над ней ветви.

Паша достал внушительную бутылку хлебного вина и открыл ее. Он поднес ее к носу и насладился ароматом ржи, а после этого сделал большой сочный глоток прямо из горлышка. Солнце заиграло на стекле и согревало сверху. Вкус корочки черного хлеба приятно повис на языке и грел внутри, а река уравнивала это тепло легкой прохладой.

— Наверно, именно так восхитительно пьют в сказках для алкоголиков, — пронеслось у него в голове. — Да и кто я такой, чтоб нарушать лягушачьи заветы?

— Отбрось волнения, презри сомнения, Павел. Все действия твои исключительно верны, — непоколебимо квакали с берега лягушки.

Он удовлетворенно и без спешки закурил, а течение несло его все дальше и дальше. У него не было еды, молчал, лишенный интернета, телефон, не было людей вокруг. Был только он, река, привкус ржи и миг гармонии в пении лягушек.

Паша отпил еще ржаного дистиллята, а потом еще и еще. Байдарка плавно скользила по речной глади. Показались за поворотом высокие песчаные берега.

— К северу от сих угодий уж льды круглогодично покрывали землю, — задумчиво сказал кроманьонец. — А ныне и в декабре-месяце насилу лед на реке встает. Пошто же вы, дражайший monsieur Paul, без ружья выдвинулись? Неужто вовсе интереса к росомашьему промыслу не питаете?

— Предпочитаю алкоголизм, — признался Паша.

— О tempora, o mores! Впрочем, мне ли вас подвергать порицанию? Я ни в годы отрочества, ни в преклонные — о двадцати годах, не употреблял столь много времени на работы, как вы изволите. В наших волостях тратили не более нескольких часов на необходимые обустройства. А далее посвящали досуг себе: пещера, занятия наскальной живописью, соитие.

— А у нас вечный недостаток времени. С работы пришел — нужно за квартиру заплатить, еще что-то оплатить, какой-то документ куда-то отправить, где-то в чем-то отчитаться... И вроде все по делу, но остоебенило, понимаешь? Вечный бег. Нет покоя ни днем, ни ночью. Даже сны какие-то корявые снятся.

— Не обессудьте, но не вполне. Впрочем, уразумел я, что пустое сие. Мы в сношения со всякими писарями и вовсе не вступали. Оные нам без надобности. Ежели у нас есть что-то, то пошто нам сноситься с третьими лицами касательно наших положений? — удивился волосатый гоминид.

— Они нам все это придумали, а мы им за это платим, — мрачно пояснил Паша, делая новый глоток.

— Право, чудно, истинно чудно вы обустроились! — весело рассмеялся кроманьонец. Накинутая на него шкура тряслась от его смеха. Вдруг он посерьезнел:

— И что, ты так и плывешь по течению, прямо как сейчас? — неожиданно изменил он тон. — Я имею в виду как говно, — пояснил гоминид.

— Что? — недоумевающе переспросил Паша.

Древний человек ухмыльнулся, схватился за лицо и сорвал его с себя, обнажив пятак и большие уши.

— Хрюня?! — воскликнул Паша и панически прильнул к бутылке.

— А ты думал спрятаться от меня на Клязьме за стеной из хлебного вина? Ты уже вылакал его дохера. А это только раззадоривает меня.

— Пьянь! — злобно выкрикнул ежик Кольщик.

— Себя не обмануть. Помнишь? Ты помнишь это?! Или даже эта простая истина уже тебе не очевидна?

— Но мудрые лягушки сказали...

— Ты себя слышишь? Лягушки ему сказали. Дегенерат! — сурово вынес вердикт Хрюня.

— Дегенерат! — подтвердил Кольщик.

— Маша ушла, потому что ты потерял себя. Ты утонул в зловонной коричневой жиже бытия. Ты потерял любовь — ты потерял единственное, что имеет смысл. И какое утешение тебе осталось? Нахуяриться на реке? — продолжал Хрюня.

— Да что я могу?! — не выдержал Паша. — Разве я могу броситься на эту бесконечную тьму в одиночку?! — и иступленно выпил.

— Ну что ты, что ты... — голос Хрюни стал слаще сахара. — Ты ничего не можешь... Ага, блядь! — вновь изменил он интонацию на привычную. — И Гершуни ничего не мог. Никто ничего не мог! Ты можешь оптимизировать рабочие процессы. Так и напишем на памятнике: «Оптимизировал рабочие процессы. Разработал формат технического аудита». Вечная слава, контора вас не забудет!

— Да отстаньте вы от меня! Хоть тут! Хоть на один день! — закричал Паша.

— Уебок, — безразлично бросил Кольщик.

Хрюня ничего не ответил. Он деловито поводил пятаком по сторонам.

— Знаешь, а тут и впрямь очень хорошо, — внезапно сменил он гнев на милость. — Пльви. Пошли, Кольщик. Оставим его одного. Ах, да — он и так один, — едко подметил Хрюня напоследок.

Паша сделал могучий глоток. Он попытался сбросить бодрящие впечатления от неожиданного рандеву. Он посмотрел на бутылку. В ней оставалось не так уж и много. Паша взглянул на часы. В глазах предательски двоилось, но он приложил волевые усилия и различил

цифры. «Успею ли доплыть до Орехово-Зуево засветло? Впрочем, плевать, — рассудил Паша. — Поплыву в темноте, если надо будет».

Паша отпил еще немного. Но что это? Кто на берегу? Он встревожился — в памяти всплыл честолобивый поросенок. Паша боязливо вглядывался в силуэт.

— Здорово! Как плавается? — дружелюбно крикнул силуэт и поправил удочку.

— Физкульт-привет! Да нормально, — выдохнул Паша.

— До Орехово-Зуево плывешь?

— С-стараюсь, — прокричал Паша с запинкой.

— Там какая-то херня... — загадочно изрек силуэт.

— Какая? — уточнил Паша.

— Да черт его знает. Говорят, там какие-то природные аномалии. Вроде как видели шаровые молнии... В Дрезне дорогу зачем-то перекрыли. Электрички вроде тоже пока не ходят. Но обещают скоро все поправить.

— Ну, вот и узнаем заодно, — уверенно сказал Паша.

Силуэт усмехнулся и медленно остался позади.

Паша подналег на весла, но силы, утомленные добрым бухлом, не приветствовали столь грубый подход. Паша посмотрел по сторонам — взгляд пьяно поплыл за светилом и подметил изменение его положения относительно горизонта. «Скоро начнет смеркаться, — прикидывал Паша. — Ну а что мне-то? Много я раз плавал на Клязьме под небом, полным звезд? Да, я нахуярился на реке. Но это хотя бы не очередной пропащий день. И уничтожающая мысль, что целый бесценный день прошел зря, пропал, сгинул без следа в вязкой бесцельной пустоте, не будет сегодня терзать меня перед сном. И одно только сегодня стоит года мерного прозябания. Нет, Хрюня, сегодня тебе не победить!»

Паша хотел закурить, но не мог найти зажигалку. Вдруг хмельной взор выловил ее у самых ног. Паша резко потянулся за ней, но равновесие было ему уже слабо подвластно — пьяное движение опасно покачнуло байдарку, и Паша решил подбираться к зажигалке медленно и аккуратно. Он закурил и устало выпустил дым навстречу закатным лучам. И солнце ярко переливалось в речной воде, когда он увидел на плесе вдалеке маленького мальчика. Паша зачем-то помахал ему рукой. Мальчик с детской искренностью ответил ему тем же, но был мгновенно одернут и уведен за руку заботливым родителем. Паше показалось, что он услышал что-то а-ля «сколько раз тебе говорил: не надо таким отвечать». Паше стало немного обидно: «Каким „таким“? Ну если с твоей точки зрения заплыв по реке на закате уже не укладывается в допустимую картину мира, то согласен, — мысленно обращался он к ревнивому родителю. — И то верно! Зачем твоему сыну контактировать с таким? Он должен вырасти нормальным человеком! Сидеть вечером попивать что-нибудь под сериал. А то, ишь, насмотрится тут всякого! Размахнулся! На лодке по закатной Клязьме! Сегодня ты на лодке, а завтра что? Делашь куни?»

Сумерки окончательно окутали байдарку. Паша собирался вновь закурить, но только он дернулся за зажигалкой, как в темной воде прямо по курсу он увидел что-то странное. Он еще не понимал что, но такого он явно еще не видел никогда. Глаза не могли сфокусироваться, а голова яростно кружилась, но Паше показалось, что это какое-то черное, будто поглощающее весь свет, пятно. Не успел Паша как следует разглядеть его, как одним скачком пятно расширилось, а в центре его появилось причудливое свечение. «Фитопланктон. Это же элементарно! ... Стоп», — лихорадочно металось сознание, отгоняя несчастье. Пятно вновь бесшумно и мгновенно расширилось, почти достигнув лодки. Паша инстинктивно схватился за весло, но мощный поток воды вырвал его из Пашиных рук. Чернота пятна начала вращение, все быстрее и быстрее, а следующее его расширение распространилось уже и на лодку. Паша почувствовал, как чудовищная сила, сконцентрированная в водовороте, подхватила байдарку, а он абсолютно ничего не может с этим сделать. Он пытался удержаться в лодке, но вода захлестывала его, а

тело не слушалось. Он урывками ловил воздух в этом водяном вихре, но исполинская сила не собиралась отступать, она лишь наращивала усилие. Он услышал, как борта лодки с треском лопнули, и душа его перевернулась, когда чувство свободного падения резко овладело им. Пятно поглотило его, и Паша рухнул в черную пропасть.

7. А вдали мелькали огоньки

«Блядь! Где я?! Что это было?! Что случилось?!» — судорожно кричали мысли, когда Паша рывком открыл глаза. Руки нащупали песок. Паша быстро поднял голову и огляделся: вокруг была густая ночная тьма, он лежал на песчаном берегу, плотный туман полз по полю, а через травы вдаль уходила проселочная дорога. Камни на ней поблескивали в лунном сиянии. «Так, лодки нет. Да и черт с ней! Руки-ноги целы... Черт, я весь мокрый. Телефон! — Паша нащупал в кармане заветный девайс. — О, боги! Работает! Не врал китайцы-кудесники — водонепроницаемый! И столько продержался! Зарядка есть, интернета нет, связи нет...»

Он посмотрел на дорогу. Сквозь туман где-то вдалеке виднелся огонек. «Так, нужно идти туда. Наверняка это ближе к станции». Его размышления прервал вой с другой стороны реки. «Что за херня? Как волки воют... Стоп, я же не знаю, как воют волки. Может они воют вовсе не так, как в фильмах? Да и вообще — какие, к черту, волки?» Вой, не затрудняясь объяснением своей природы, повторился и будто стал ближе. «Волки или нет, но явно не шайка игривых мопсов», — мудро рассудил Паша, поднялся и быстро пошел по дороге в сторону блеклого огонька.

Вой больше не возобновлялся, и стояла абсолютная, сверхъестественная тишина. Не слышно было даже ночных насекомых. Только звук Пашиных хлюпающих шагов гулко разносился в ночном тумане. «Сколько же я был в отрубе? И что это было? Блядь, ЧТО это было? Ладно, у этого есть рациональное объяснение. Да и вообще, мог бы очнуться с похмельем», — пришел к оптимистичному выводу Паша. Он достал телефон: связи и интернета все еще не было.

Он отвел глаза от экрана, посмотрел вперед и остановился, как вкопанный: в тумане впереди проглядывали чьи-то очертания. Это был человек. Судя по всему, в длинном пальто. «Да что за...»

— Вы кто? — собрался Паша и крикнул в туман.

Человек молча сделал несколько шагов навстречу Паше, продолжавшему стоять на месте. Стали различимы черты лица, на голове виднелась фуражка. На мужчине действительно было длинное темное пальто, застегнутое на все пуговицы.

— Вы кто? — повторил Паша чуть увереннее, когда заметил не слишком могучую комплекцию мужчины.

— Сам не видишь? Что ты тут шляешься?

— Я к станции иду, — машинально ответил Паша.

— А я думал, магазин сушилок ищешь, — недобро усмехнулся человек. — Ты жид, что ль? — последовал простодушный вопрос.

— Что? — недоумевающе переспросил Паша.

— У нас все службу предсраженья отстояли сегодня. Теперь усталые, спят. А ты явно не из церкви идешь. У меня нюх на таких, как ты, — угрожающе отвечал человек в пальто.

— Каких? — растерялся Паша.

— Таких, — презрительно бросил мужчина. — Пошли, сейчас мы во всем разберемся.

Человек уверенно зашагал навстречу Паше с явно не самыми благожелательными намерениями. Философский расчет мгновенно сложился у Паши в голове: «Бить по морде? Да, осилю. Да что ж за день. Вернее ночь. Так, а вдруг он вооружен? Шибко уверенно он идет. Так, потянулся в карман. Понятно. Ну теперь все понятно». Паша отчаянно сорвался с места и побежал.

— Стой, мы тебя все равно найдем! — прокричал обладатель пальто и бросился следом.

Паша практически не видел, куда он бежит, но ноги были верны ему — когда на пути возникла широкая канава, он мастерски перемахнул ее. «Ай, блядь!» — прозвучал крик сзади,

а за ним глухой удар. Паша обернулся и успел разглядеть картину падения: человек запутался в полах пальто, упал ногами в вязкую жидкость канавы и по инерции нелепо воткнулся мордой в твердый грунт. Паша не остановился, он продолжал бежать. Он бежал прямо еще несколько минут и, наконец, увидел перед собой какую-то рощицу. Он забежал в нее и оглянулся: преследователя не было видно.

Паша скрылся в роще, оперся на дерево и лихорадочно отдышался. Мысли следовали одна за одной: «Да что, блядь, происходит? Кто это? Почему так странно одет? — недоумевал Паша. — Что он сказал? „Сам не видишь“. Это был бомж! — пришло озарение. — Он хотел меня обуть на что-то. А в кармане у него был нож, или типа того. Все сходится! „Мы тебя все равно найдем“. Так, наверно, их много живет в этих полях. Роют себе землянки и живут. Нет, ну а что? Лето, Клязьма, хорошо», — зачем-то завершил он свою мысль на мажорной ноте. Но мрачное осознание мгновенно разрушило романтический образ: «Если их много, они меня тут достанут. Надо идти к тому огоньку, там наверняка поселок. Так, пойду кругом, чтобы не нарваться опять на того. Может они подняли тут восстание, бунт? Да-а, Паш. А ты знаешь толк в когнитивных процессах», — скептически резюмировал разум.

Вдруг Пашины пальцы нащупали на коре дерева, на которое он упирался, какие-то насечки. Он аккуратно посветил на дерево экраном телефона, закрывая его второй рукой, дабы экран не был замечен со стороны поля. На дереве была выцарапанная кем-то надпись. Содержание ее не добавило Паше ответов: «Ко-міръ — невѣжды», — категорично утверждали слова на дереве. «А, ну теперь все понятно — я переместился во времени, — облегченно вздохнул Паша и усмехнулся вслух над своей догадкой. — Какой дешевый сюжет! Ты мог бы придумать что-нибудь пооригинальнее».

Паша аккуратно вышел из рощицы. Он огляделся — никого не было видно, а тусклый фонарик мелькал в другой стороне. Туман рассеивался, на небе ярко светила луна. Паша постоянно озирался и двигался перебежками от кустов к кустам. «Славно покатался на лодке. Бегаю по полям, а за мной охотятся бездомные. Как прекрасен этот мир — посмотри!» Паша немного вышел из состояния нервного возбуждения, что пробудило к жизни жажду и голод. Но он смотрел в будущее с оптимизмом, свойственным двадцатым годам 21-го века: «Если маркесовский полковник решил проблему голода, то и я смогу!»

Наконец, источник света — им действительно был фонарь — оказался совсем близко. Паша различил во тьме очертания нескольких домов. Компанию им составляла большая белая церковь. Телефон все еще показывал отсутствие сети и интернета — посмотреть свое местонахождение по картам не представлялось возможным. «Время неподходящее для прошения советов, но и ситуация критическая, — рассудил Паша. — Нужно пересилить социофобию и действовать. Если там кто-нибудь есть, то попрошу воды и узнаю, где станция. Она должна быть где-то совсем рядом. А там уже как-нибудь доберусь до дома».

Навыки детства помогли ему — Паша начал бросать в окно первого же дома маленькие камушки. «А из окна электрички буду бросать капитошки. Гулять, так гулять!» — идиотски ухмыльнулся он.

В доме послышалось какое-то шевеление. Окно приоткрылось, а из темноты помещения прозвучал хриплый голос:

— Ну чего? Ты время видел? Ты кто таков?

— Извините, но я тут попал в передрагу с вашими бомжами... — честно сказал Паша, чтобы не показаться странным, — может вы могли бы помочь мне стаканом воды и подсказать, где станция?

— Ни в Павловский Посад, ни в Петушки ничего не ходит сейчас, — отрезал голос, ловко игнорируя первую часть просьбы.

— А в Москву?

— Ха-ха-ха, иди, дурило, — весело отхрипел голос и закрыл окно.

Устало и отрешенно Паша побрел к следующему дому, где повторил свои действия. Он хотел пить, есть и спать. Никто ему не ответил. Когда Паша подошел к третьему дому, он понял, что дома закончились, как заканчивалась и его надежда. Церковь же не подавала признаков жизни. На него накатила, скопившись за день и ночь, жуткая усталость, делающая безразличным, отупляющая сознание.

— Аууу! Есть тут кто? — решил Паша не мелочиться и прокричал напрямик в окна последнего дома.

— Но-но! Что ты орешь? — из окна высунулся солидного вида мужчина лет пятидесяти пяти и заговорил властным голосом. — Ты, верно, через лопухи шел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.